

ДЕТСКИЕ СТРАХИ ПОЖИЛОГО ЮНОШИ

книга первая

16+

Александр Воронцов

Александр Воронцов

Детские страхи пожилого юноши

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Воронцов А.

Детские страхи пожилого юноши / А. Воронцов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-99528-4

Эта книга рассказывает о том, как создавалась личность молодого мужчины, через какие испытания он прошел и как преодолевал множество препятствий на своем жизненном пути. Ну и, конечно же, в книге много рассказывается о страхах – детских, подростковых и даже взрослых. Да, у взрослых тоже есть страхи и их очень много. И вот иногда порой так интересно читать о том, чего боятся другие люди. А потом понимаешь, что боятся-то они того же, чего и ты боишься. Или боялся. Потому что все мы люди, все мы боимся часто одного и того же. Вот только пути преодоления страхов у нас разные. И порой полезно учиться у других преодолевать свои страхи.

ISBN 978-5-532-99528-4

© Воронцов А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава первая, в которой мы знакомимся с будущим героем	5
Глава вторая, в которой мы продолжаем знакомиться с будущим героем	6
Глава третья, в которой наш герой приобретает первый опыт	7
Глава четвертая, где мы знакомимся с папой Никиты	9
Глава пятая, в которой рассказывается о том, как хорошо с папой и как плохо без него	11
Глава шестая, повествующая о том, что не надо отдавать ребенка на воспитание дедушке с бабушкой, а надо отдавать в спорт	13
Глава седьмая, которая открывает один из страшных секретов Никиты	16
Глава восьмая, в которой автор издевается над словосочетанием «заводить друзей»	18
Глава девятая, в которой у Никиты кроме первого страха появляется второй	20
Глава десятая, в которой читатель узнает о том, куда вели все дороги в Советском Союзе	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Воронцов

Детские страхи пожилого юноши

Глава первая, в которой мы знакомимся с будущим героем

Своего рождения он не помнил.

Первое лирическое отступление на тему того, как нам лгут с раннего детства

Своего рождения не помнит никто. И все эти басни про Карму, перерождения или новые воплощения – всё это такая же ложь, как и сказки о том, что родителям приносят детей аисты или что новорожденных находят в капусте. Только про аистов и капусту нам сообщают в детском садике, а всякие там ведические-кармические изделия из той же лапши – уже в более сознательном возрасте. Хотя по сути, что аисты с капустой, что Карма и Колесо Сансары, что Спасение на Небесах – это, как по мне, явления одного порядка. Просто в одни сказки мы верим с детства, а когда взрослеем – начинаем верить в другие сказки. Например, в то, что на свете есть справедливость. Или в то, что у каждого из нас есть какое-то свое предназначение в этом мире.

Терки все это.

И наше окончательное предназначение – удобрить собой кусочек земли, а перед этим воспроизвести на свет себе подобного. Или подобных – у кого как сложится.

Грубо, скажете?

Ну да, зато вам читать дальше будет интересно, потому что все, что я вам собираюсь рассказать – чистая, хотя и не прилизанная правда.

Хотя вы все равно в это не поверите.

Скажете, что так не бывает.

Бывает.

Точнее, было.

Глава вторая, в которой мы продолжаем знакомиться с будущим героем

Так вот, как Никита родился – он не помнил. Ну, может где-то в спинном мозге, в хорде, у него еще осталась какая-то там генетическая память. Например, рудиментарные ласты, которые были у него в пятинедельном возрасте, может, и помнят, как он ими загребал, будучи зародышем. А вот сам он спустя много лет после своего рождения так и не вспомнил, как появился на свет божий. Потом, когда Никита уже был достаточно взрослым, ему этот процесс показали, так сказать, наглядно. А толку? Во время наблюдения родов своей дочери молодой отец хлопнулся в обморок прямо посреди родзала. Так что тайна рождения осталась для него этой самой сакральной тайной. Ну, это и хорошо – должны же быть какие-то тайны у человека?

Сегодня точно неизвестно, какая в тот день была погода, как сыграл московский «Спартак» с киевским «Динамо» и как расположились звезды – ну не было у его матери придворного астролога. Да и астрология тогда считалась продажной девкой империализма. Кстати, насчет киевского «Динамо» вопрос далеко не праздный, ибо в те времена тема футбола будоражила многие могучие умы и стояла в ряду важнейших вопросов эпохи! А на жизнь нашего героя именно этот вопрос много лет спустя оказал очень важное воздействие – в один прекрасный день победа днепропетровского «Днепра» над московским «Спартаком» так воодушевила районного военкома, что он в диком восторге хлопнул по стопке с личными делами призывников. Стопка рассыпалась, и личные дела пришлось собирать, при этом они перепутались. И личное дело призывника Васнецова попало в другую стопку. Таким образом, вместо Демократической республики Афганистан этот призывник поехал служить в социалистическую республику Казахстан. Где и прослужил ровно два года в рядах внутренних войск МВД СССР. Поэтому остался жив. В то время из солнечного Афганистана многие из тех, кто попал туда служить, возвращались домой в цинковых гробах. А он вернулся домой на поезде, трое суток пропьянствовав с такими же дембелями, как и он сам. И хотя был после той пьянки чуть живой, но все же – живой.

Впрочем, это было потом.

Итак, родился он осенью, в начале ноября.

Первое, что ощутил новорожденный – это телесные наказания. Потому что, поскольку он не хотел плакать, пожилой акушер шлепнул его по попе. И тогда рев младенца услышало все родильное отделение. Врачи даже удивились – такой вроде на вид хлипкий, а голосок дай боже.

– Певцом твой сыночек будет, мамочка, – улыбнулась сестричка, помогавшая акушеру.

Мама его только слабо улыбнулась.

А зря – пение стало одним из талантов ее сына.

Но не единственным.

Глава третья, в которой наш герой приобретает первый опыт

Осознавать себя, как мыслящий индивидуум мальчик начал примерно года в два. Он тогда еще не знал, что зовут его Никита и его фамилия Васнецов. Однако, когда его звали по имени, на всякий случай выползал из-под очередной халабуды – а вдруг дадут что вкусненькое? Халабудой он называл возводимые им в доме из стульев, одеял и прочей утвари фортификационные сооружения домашнего типа.

Между прочим, желание строить всякие халабуды у детей, наверное, прописано в геномном коде от муравьев. А у Никиты – наверное еще и от пресмыкающихся. Ибо он не только строил, но еще и заползал в такие щели и норы, откуда выковырять его было совершенно невозможно, а уж найти было еще труднее.

Итак, он откликнулся на имя Никита и только: осознавать себя, как личность, он начал гораздо позже.

Что может помнить маленький ребенок из своего детства после того, как вырастет и станет взрослым? Говорят, что мальчики на всю жизнь остаются детьми, но почему-то они этого не признают. И не помнят, как были детьми. Подростками себя помнят, юношами – помнят, а вот детьми – смутно. Так и Никита – ребенком себя помнил смутно, отрывочно. Вот он едет в футболке и трусиках в кабине большой грузовой машины рядом с каким-то дядей-шофером. Это мама переезжает к маминой маме, то есть, к бабушке Марусе. А бабушка Дуся осталась дома. И дом их теперь будет на другой улице в другой части города.

Вот еще одна картинка в памяти, но немного раньше, точнее – немного сбоку, потому что память ребенка еще не умеет оценивать время, и ему все равно, раньше или позже. Тут детская память, как детские кубики – взяли вот это воспоминание и отложили, а сбоку поставили другое. Вот сбоку и вспомнилось, что Никита простудился, у него ангина, но ему очень хочется мороженого, и бабушка Дуся греет это мороженое в тарелочке на печке, а Никита слизывает эту теплую жидкость. И все равно это – мороженное, хоть и теплое, растаявшее, и вафельный стаканчик тут же в тарелке плавает, и он все равно вкусный.

А вот еще ступенька памяти – Никита одел коньки, правда, не настоящие, детские, двухполосные – и пытается кататься по двору почему-то с какой-то кривой пластмассовой палкой, которой взрослые гоняют какую-то черную резиновую блямбу. И кричат какое-то странное слово «Шайбу!»

Или вот воспоминание – двоюродный брат показывает на собаку и говорит, что это Баба Яга в собаку превратилась. Никита не верит, хмурится и на всякий случай сжимает в руке ту самую кривую пластмаску, которую, как он уже знает, называют клюшкой.

Но больше всего Никита запомнил папу. Наверное, потому что потом папы у него не стало, зато мама была все время. Так почему-то устроено в нашем обществе, что папы время от времени вдруг почему-то исчезают, и только мамы пребывают рядом с ребенком постоянно и неизбежно, как законы термодинамики. Много лет спустя, когда Никита сам стал папой, он попытался этот странный закон постоянства мамы опровергнуть, но у него ничего не получилось – его дочка тоже лишилась своего отца, которого она только-только научилась ценить.

Вот так и случилось, что папа Никиты был-был – и вдруг исчез. Внезапно и необъяснимо – потому что мама своему сыну так ничего и не объяснила. Наверное, поэтому много лет спустя каждое воспоминание о папе Никита регулярно доставал из коробочки своей памяти, как когда-то старые переводные картинки, которые не успел наклеить, бережно перебирал и клал обратно. И каждая такая картинка, каждое такое воспоминание было таким чистеньким, красивым, и даже немного глянцевым. На эти картинки не ложились трещины маминых плохих

слов про папу и кляксы папиных нехороших поступков, о которых ему рассказывала мама. Наверное, еще и потому, что Никита мало успел с папой познакомиться, и не помнил подробно, что папа делал.

И главное – как?

Глава четвертая, где мы знакомимся с папой Никиты

Папа Никиты играл в футбол. Это Никита знал совершенно точно, потому что папа однажды его с собой взял на стадион. И не просто на стадион – папа привел его прямо на футбольное поле. И посадил за ворота. А сам через некоторое время в трусах и футболке встал впереди этих ворот. На самом деле никаких ворот или дверей там не было – просто так называлась какая-то сетка, натянутая на какие-то изогнутые железяки. А папа стоял перед этой сеткой на зеленой травке и прыгал за мячом, который то и дело к нему прилетал. Папа Никиты постоянно отбрасывал мячик от себя, а он снова летел к нему, наверное, папа мячику понравился. Но другие дяди тоже хотели понравиться мячику и поэтому лезли постоянно на папу, чтобы мячик забрать. А один дядя так упал на папу, что папа даже какое-то время не мог встать. Но мячик дяде не отдал.

А потом Никита был с папой в какой-то белой кафельной комнате, там и папа, и все дяди были голые, на них сверху брызгала горячая вода и дяди мылись с мылом. Это было немного непонятно – ведь у папы дома есть ванная, зачем он здесь моется с этими дядями? И почему рядом с дядями нет теть? Ведь когда однажды мама брала Никиту с собой в баню, то там как раз наоборот – были одни голые тети, а дядь не было вообще. И еще тогда в голове у мальчика зародилось сомнение в совершенстве этого мира, ибо там, где много голых дядь почему-то совсем нет голых теть и наоборот.

Поэтому, наверное, так внезапно исчезают папы?

Правда, об этом Никита подумал уже гораздо позже.

Еще папа Никиты играл в театре. Потом Никита узнал, что в театре папа познакомился с мамой. Правда, из-за театра и раззнакомился. Но главное – кроме футбола именно театр сыграл в жизни Никиты очень важную роль.

Впрочем, если так разобраться – то что в нашей жизни не играет важную роль?

Первый неудачный поцелуй – зато потом долго избегала мужского общества, вся ушла в науку, в 26 защитила кандидатскую, в 30 – докторскую, потом кафедра, престижный институт и вот – Нобелевская премия.

Много читал книг, мало гулял на улице с мальчишками – поэтому вырос книжным мальчиком, тютей, робел перед девушками, до 30 лет оставался холостым, но зато после института с головой ушел в науку, разработал перспективное направление для военных, получил Государственную премию, стал самым молодым в стране доктором наук.

Случайно купил сыну не мяч, а шахматы, в результате все свободное время поглощает эта загадочная игра с дебютами, гамбитами, эндшпилями, в результате – гроссмейстер, чемпион мира и прочая, прочая.

Однажды ехал на работу и вышел не на той станции метро, познакомился с девушкой, с которой в случае правильного выбора станции никогда бы не встретился.

А в результате – семья, трое детей, а сын – молодой вундеркинд, чемпион мира по шахматам. И жена – Нобелевский лауреат.

Вот так все эти случайности сплелись воедино, чтобы потом в одном месте привести к закономерному результату таких разных людей.

Вся наша жизнь – это цепь непрерывных случайностей, которые потом внезапно становятся закономерностями.

Так вот, папа Никиты играл в театре. В народном. Ну, то есть – он был актером. Только не взаправду, а понарошку. В то время в государстве под названием Союз Советских Социалистических республик, в котором Никита и его родители родились и выросли, много было таких вот народных театров, не настоящих, точнее, не всамделишных. Это когда днем люди работали на заводах, фабриках, учили детей в школах, лечили граждан в поликлиниках и даже

ловили преступников. А по вечерам в Домах и даже Дворцах культуры занимались в театральных, музыкальных и хореографических студиях или, как тогда говорили, кружках. То есть, как говорят сейчас, занимались искусством. И даже добивались очень впечатляющих результатов: давали концерты и спектакли, ездили на гастроли – в ближайшие села и дальние города. Впрочем, по всей стране регулярно проводились самые разные фестивали самых разных лауреатов самых разных искусств. Поэтому несколько раз в год практически любой, как тогда говорили, художественный коллектив любого Дворца или Дома культуры обязательно выезжал на какой-нибудь довольно престижный фестиваль. И даже в самую столицу нашей тогдашней Родины – в Москву. И даже получал там дипломы.

Или медали.

Папа Никиты занимался театральным искусством в народном театральном художественном коллективе. В свободное от основной работы время. Основной работой его была работа на заводе. Нет, конечно, у папы были и другие коллективы – бригада слесарей на работе, соседи по лестничной площадке, друзья по секции футбола. Но именно театральный коллектив принято было называть коллективом. Васнецов-старший театральным искусством занимался очень ответственно, и его даже показывали по телевизору. А так как телеканалов в то время было всего два – Центральный и Местный – то показ по телевизору даже по Местному каналу можно было считать крупным успехом.

И даже каким-то весомым вкладом в развитие того самого искусства, которым занимался папа Никиты.

Никита папу по телевизору толком не успел рассмотреть, потому что показывали папу очень поздно, и Никита уснул. Мало того, что уснул – он еще не выключил старенький бабушкин телевизор «Огонек-251» и тот сгорел. Хорошо еще, что тот огонек не запалил дом, в котором с бабушкой жили родители Никиты. А самое обидное – вскоре мальчик лишился не только телевизора, но и папы. Потому что так бывает, что папы исчезают. Причем, часто – навсегда.

Но Никита папу все-таки хорошо запомнил. Несмотря на то, что тот вдруг исчез, когда его сыну не было еще и пяти лет. Мальчик еще долго помнил, как папа брал его с собой на репетицию в театр, как они поздно вечером возвращались домой и как у Никиты мерзли уши и руки. А еще он помнил, как папа брал его с собой на гастроли по близлежащим селам. И самое главное – как папа талантливо превращался в Деда Мороза на детских утренниках. Долго еще Никита хвастался своим знакомым: «Мой папа работает Дедом Морозом».

Глава пятая, в которой рассказывается о том, как хорошо с папой и как плохо без него

Первый раз Никита запомнил новогодний утренник почему-то без папы. То есть, папа на этот раз не работал Дедом Морозом, а вместе с ним сидел в зрительном зале и смотрел спектакль. И вдруг, когда сказка закончилась и добро восторжествовало, а Маленький Новый год поздравил вместе с другим Дедом Морозом всех детей с праздником, вдруг занавес закрылся. А когда открылся, то на сцену вместо Снегурочки и сказочных героев вдруг вышли какие-то дядьки и тётки в черных трико и почему-то с автоматами. Никита сразу понял, что автоматы были игрушечными. А дядьки и тётки с этими автоматами стали танцевать.

Как он понял позднее, сцена давалась по расписанию. И танцевальный ансамбль «Радость», который базировался в том же Дворце культуры машиностроителей, где подрабатывал Дедом Морозом папа Никиты, срочно репетировал новую постановку. Через 15 лет сам Никита будет не только репетировать, но и играть в театре на этой самой сцене. И выступать с ансамблем «Радость» на разных концертах.

Еще папа очень хорошо пел. По ночам именно он пел Никите колыбельные песни. Правда, эти колыбельные были не совсем колыбельными. Нет, не такими, какие пыталась петь мама, которой, как говорил папа, медведь на ухо наступил. Мама просто пела какую-то свою мелодию каждой песне, так что «В лесу родилась ёлочка» была совершенно неотличима от «Спят усталые игрушки». Папа все песни пел правильно и красиво. Но пел он не «глазки закрывай, баю-бай», а «Ах, бедный мой Томми» – старую пиратскую песню. Или песню лесных разбойников из нового мультика «Бременские музыканты». К этому мультиту вдобавок выпустили пластинку – такую красивую, красного цвета, полупрозрачную – и папа перепел все партии с этой пластинки буквально за неделю.

Засыпать под такие колыбельные было гораздо интереснее, чем под какие-то сопливые «баю-бай» и «люли-люли». Пиратские и разбойничьи песни, хотя и немного пугали, но очень сильно вдохновляли забраться с головой под одеяло, под которым уже не так страшно было их слушать. К тому же песни эти были очень красивыми и даже немного печальными. Оказалось, что ни пиратов, ни разбойников никто почему-то не любит, не жалеет, а главное – что никто не хочет с ними дружить. И уже тогда Никита внезапно понял, что если бы с пиратами и разбойниками кто-то дружил, то они бы никогда никого не грабили и не обижали.

А еще папа пел песни Трубадура, Прекрасной Принцессы, Глупого Короля. Особенно хорошо у него получалось петь песню Гениального Сыщика. Самое интересное, что на пластинке все эти партии – кроме песни Прекрасной Принцессы – спел тоже один человек: актер Олег Анофриев. Об этом Никита узнал спустя много лет и понял, что петь-то хорошо могут многие, а пластинки записывает кто-то один. Его папа успел записать только несколько катушек, или как было принято говорить, бобин магнитофонной пленки. Которые Никита так никогда и не услышал.

Папа Никиты не только пел – он замечательно рассказывал: сказки, истории, легенды. И именно он часто укладывал Никиту спать. А тот долго не мог уснуть, потому что все время хотелось услышать – а чем же закончится очередная сказка? Может быть, поэтому Никита вырос ярко выраженной «совой» – сохранял бодрость духа и работоспособность до полуночи. Зато очень неохотно и с большим трудом просыпался по утрам, особенно, если просыпаться надо было рано. «Рано» для Никиты заканчивалось в десять, а то и в одиннадцать часов утра. Впрочем, его отец тоже читал допоздна, а потом отсыпался – как говорится, «богема».

Увы, видимо, именно это стало последней каплей в сложных отношениях его отца и его матери. Поэтому, когда Никите исполнилось четыре года, сказки на ночь ему рассказывала уже

его бабушка – мамина мама. А вторую бабушку, которая была мамой его отца, Никита больше никогда не увидел. Однако он еще долго вспоминал сказки, рассказанные его отцом, а песни из мультика «Бременские музыканты» выучил наизусть и даже купил грампластинку с этой сказкой, сделанной, как сейчас говорят, в жанре «мюзикла».

Глава шестая, повествующая о том, что не надо отдавать ребенка на воспитание дедушке с бабушкой, а надо отдавать в спорт

Жизнь у дедушки и бабушки для Никиты была скучной. Возможно, он просто стал старше. А его повзрослевшее тело, организм и мозг, готовый впитывать знания, как губка, требовали новой информации, новых навыков. А чему могли научить мальчика старики?

Мама Никиты Раиса Васнецова после работы училась в университете на вечернем отделении и приходила домой поздно, когда он уже спал. А по выходным пыталась устроить свою личную жизнь. А бабушка, Мария Ермолаевна Морозова, кормила домашнюю живность – курей, кролей, уток, ухаживала за садом и огородом, ездила на базар все это продавать. Дед – Прокофий Герасимович Белов – эту живность резал, из шкурок кролей делал шапки, и тоже продавал эти плоды натурального хозяйства на рынке. Наверное, по закону компенсации их внук с детства стал питать отвращение к сельскому хозяйству в любом его проявлении.

Дедушка с бабушкой жили в одном доме, но почему-то в разных комнатах. Сначала в комнату к дедушке можно было пройти через двери, и вход был один. Потом эти двери заложили кирпичами, и входов в дом стало два. Дедушка ходил к себе через одни двери, а бабушка с мамой – через другие. Как потом понял Никита, бабушка с дедушкой решили развестись. Или, как сказала мама, «сдурели на старости лет». В дедушкиной половине жил еще и дядя Никиты по имени Валентин, а с бабушкой еще жила мама. До того, как второй раз вышла замуж. Но это было потом.

Впрочем, мама редко появлялась в жизни Никиты, поскольку работала, а вечером училась в университете. Так что он и не помнил особо, что она делала. Помнил только, что одно время у них жили две тети, которые играли на баяне или аккордеоне – короче, на гармошке. В музыкальных инструментах мальчик тогда разбирался слабо. И когда потом мама все-таки заставила его ходить в музыкальную школу и учиться играть на баяне, он возненавидел этот баян сразу же и на всю жизнь. И при первой же возможности школу эту бросил. Но это было через несколько лет, а пока Никита ходил к веселым теткам и слушал, как лихо они играют на своих гармошках.

Когда дедушка с бабушкой развелись, бабушка перестала быть Беловой и снова стала Морозовой. Дом, или как говорила бабушка, хату они с дедом между собой разделили на две половинки, а вот двор – нет. И дедушка частенько вылезал в окно на свою половину двора, поскольку дверь из хаты у него выходила не во двор, а на улицу. И чтобы попасть в сад, дедушке надо было обходить вокруг весь дом. Вот он и лазил в окно, как нашкодивший пацан. Ну, и Никита повадился лазать к нему в гости.

Через окно, конечно.

Дед очень часто говорил слова, которых маленький Никита не мог понять. Например, видя на экране телевизора заставку к программе «Интервидение» в виде герба СССР и московского Кремля, он произносил фразу «Серп и молот – смерть и голод». Что означали эти слова, мальчик не знал. И даже не представлял, что, оказывается, эти слова были антисоветской пропагандой, за которую могли посадить в тюрьму.

Впрочем, как потом узнал Никита, дедушка в тюрьме таки сидел. Ему об этом рассказала бабушка. Оказывается, дед ударил топором соседа, когда они дрались за двор. Сосед хотел себе забрать часть территории двора семьи Беловых. Потом оказалось, что соседи подрались напрасно – через 10 лет государство забрало у дедушки с бабушкой эту часть их двора, потому что на генплане было что-то там неправильно начерчено. А еще через пятнадцать лет уже сам

Никита будет мучиться с этим генпланом. И даже попытается судиться с государством. Тогда он еще не знал, что попытки тягаться с государством всегда заведомо будут провальными...

Бабушка Никиты, Мария Ермолаевна Морозова, к советской власти тоже особой любви не питала. И когда внук, впоследствии ставший пионером, пытался ей доказать, что советское государство – самое справедливое в мире, она тяжело вздыхала и говорила одну и ту же фразу: «Паны булы, паны и зальшылыся». И дальше шла, как она говорила, «пораться по господарству». Она сажала цветы и потом их продавала на рынке, а также покупала сырые семечки, жарила их на сковородке и тоже продавала. Большой стакан жареных семечек подсолнуха стоил двадцать копеек, а маленький – десять. Тыквенные семечки стоили дороже, но их сложнее было выковыривать из тыквы, потом сушить и потом только жарить. Так что Мария Ермолаевна продавала только семечки подсолнуха. Ну, еще летом торговала яблоками сорта «белый налив» и грушами сорта «лимонка», которые росли в саду. Потому что жить на пенсию было тяжело, а содержать внука – тем более тяжело. Растущий организм постоянно требовал продукты питания. А их надо было покупать. Колбаса на огороде почему-то не росла...

Зато яблок у Никиты летом всегда было от пуза, как, впрочем, и вишен, абрикос, слив и даже черешен. Одним словом, летом он вполне мог жить без колбасы, то есть, на подножном корме. Именно поэтому Никита стал часто уходить из дома на улицу, где гулял допоздна. И приходил домой лишь под вечер. Благо, частный дом и улица в украинском городе, точнее, в пригороде, мало чем отличались – везде цвели фруктовые деревья, вишни, черешни, яблоки, абрикосы можно было рвать, где угодно и объедаться ими от пуза. Ну, почти где угодно. Потому что черешни чаще всего росли за забором в чужих дворах. А вот яблони или абрикосы с вишнями – везде. Но черешни были вкуснее. Так что лазить по деревьям и заборам мальчик научился отменно.

Лазить по чужим садам его толкала исключительно любовь к острым ощущениям, а не жажда наживы или желание полакомится фруктами. К тому же повсюду росли шелковицы – черная, белая, розовая, они манили к себе постоянно. И мальчик приходил домой с синими губами и липкими ладонями, отказываясь ужинать оладышками или варениками, которые готовила его бабушка. Зимой мальчик ел с гораздо большим аппетитом, потому что зимой ни черешни, ни шелковица не растут. Поэтому приходилось уплетать и вареники, и оладушки. И все же рос он худеньким, хотя и жилистым пацаненком. К тому же, сказалось отсутствие мужского воспитания – драться Никита совсем не умел. А когда его били, быстро опускался до банального рёва, девчачьих слёз.

И за это он себя ненавидел, но все же ничего не мог с собой поделать.

Потому что панически боялся драться.

И если бы кто-то тогда сказал ему, что спустя много лет он станет мастером кун-фу и чемпионом страны, а еще – призером чемпионатов по различным видам единоборств, то мальчик бы подумал, что над ним издеваются. Ведь тогда и слова-то такого – кун-фу – никто не знал. Даже про каратэ еще никто не слышал: было начало 70-х, расцвет социализма в отдельно взятой стране. И максимум, чем можно было тогда заниматься – это бокс или самбо. Вот только не повезло мальчику ни с боксом, ни с самбо...

Тогда не повезло.

Никита с детства хотел заниматься спортом. Однако был отдан мамой в музыкальную школу – учиться играть на баяне. Но, видимо, спортивные гены папы-футболиста очень сильно забивали желания матери. Кстати, тоже спортсменки – она была в прошлом перворазрядницей по велоспорту. Но Раиса Васнецова почему-то оставила спорт в покое и постоянно тянулась к искусству.

Даже пыталась писать стихи.

Позже Никита случайно прочтет несколько ее стихотворений. Он даже не сразу поймет, что это – стихи его мамы. Просто, разбирая на чердаке старые бумаги и роясь в старых грам-

пластинках для патефона, вдруг обнаружит пару тетрадок со стихами. И начнет читать. Увы, они не произвели на него какое-нибудь впечатление. Ведь к тому времени он сам уже давно писал стихи, их даже опубликовали в местной областной газете. Поэтому простенькие рифмы типа «высокое»-«далекое» или «тьень»-«лень», а также пафосные и полные оптимизма оды женскому труду и воспевание несчастной женской судьбы не тронули его душу.

Но, видимо, мама его не зря подалась в театр, где, кстати, встретила его папу. Так что, практически, тяга к прекрасному послужила причиной появления на свет Никиты.

Который по наследству получил эту самую тягу.

Только тянуться к искусству стал уже в более зрелом возрасте.

А в детстве его тянула мама.

Причем, за уши.

Одним словом, пришлось мальчику приобщаться к прекрасному. Он и приобщился, вот только ненадолго.

Рядом с музыкальной школой, где Никита мучил баян, находился открытый бассейн общества ЦСКА. И поскольку он был открытым – то есть, просто под открытым небом – мальчишки и девчонки, посещавшие и музыкальную, и обычную среднюю школу, постоянно проходили мимо. И засматривались на стройных пловцов, которые отмахивали свои ежедневные километры по 25 метров туда-обратно – бассейн был маленьким. Так что уже через месяц Никита забросил «музыкалку» и отправился учиться плавать. Воды он не боялся с детства, летом на пляже стремглав бросался в воду, даже однажды чуть не утонул – но плавать не умел. Поэтому его так тянуло в бассейн.

Мама сильно расстроилась, и попробовала было, как в анекдоте «утонешь – домой не приходи» отговорить сына, но не тут-то было – если надо, сын становился твердым, как скала. Поэтому вместо карьеры музыканта Никита решил начать карьеру спортсмена. И первым делом попробовать себя в роли пловца.

Пять лет занятий плаванием чемпионом его не сделали. Зато ангины куда-то ушли, хронический тонзиллит сначала стал не хроническим, а потом вообще уплыл, и простуды из постоянных спутниц стали какими-то почти случайными знакомыми. В общем, Никита стал довольно здоровым мальчиком, мышцы его окрепли и – невероятно – пару раз он даже смог дать отпор в школе, когда его пытались отлупить. И хотя до супермена ему было еще очень далеко, спорт стал началом становления его, как личности, помог укрепить характер и воспитать волю.

Глава седьмая, которая открывает один из страшных секретов Никиты

До четвертого класса жизнь Никиты Васнецова не изобиловала какими-то яркими и запоминающимися событиями. Разве что одно омрачало его безмятежные дни, точнее, ночи – он, словно маленький ребенок, не контролировал себя во время сна. И утром просыпался от того, что его организм предательски подмачивал его репутацию. Как в буквальном, так и в переносном смысле. А мама, которая не отличалась тактом в этом вопросе, вместо того чтобы поговорить с сыном, успокоить его, попробовать разобраться в проблеме, еще и стыдила ребенка. Тем самым только усугубляла постыдную болезнь под названием «энурез».

Это был самый первый страх Никиты – страх, что о его слабости узнают в школе или соседи, или его приятели, живущие по соседству. Он по-прежнему настолько крепко спал, что не просыпался даже тогда, когда надо было идти на горшок. И продолжал совмещать пробуждение и поход в туалет по-маленькому. Практически ежедневно вывешенные для сушки еще совсем недавно белые простыни напоминали о его капитуляции перед особенностями Морфея. И это было ужасно.

Но как-то случилось так, что Никита уписался прямо в классе.

Однажды на уроке он поднял руку и попросил учительницу разрешения выйти. Мальчик постеснялся сказать, что хочет в туалет. А учительница была молодой и неопытной, до конца урока оставалось всего каких-то 15 минут... И она не разрешила. Через 5 минут Никита понял, что терпеть больше нет сил, и предательская струйка потекла по штанине. Когда он поднялся из-за парты, учительница, наконец, врубилась, в чем дело.

Но было поздно.

Потому что врубился весь класс.

Испуганная училка вместе с учеником вышла в коридор, довела его до туалета, хотя в этом уже не было необходимости, и, не зная, что делать, просто отпустила Никиту домой. Что стоило ему на следующий день прийти в школу, в свой класс – этого не знал никто. Маме про тот случай, конечно же, он не рассказал. Никита вообще почти ничего не рассказывал матери. Впрочем, мальчик по-прежнему видел-то ее редко – днем она работала, а по вечерам все еще училась.

Удивительно – на следующий день в классе никто не вспомнил про вчерашний конфуз. Почти никто. Были, конечно, некоторые, кто смотрел на него с ухмылкой, но Никита постарался не придавать этому значение. К тому же вскоре случились два важных события в его жизни: первое – его мама нашла, наконец, себе нового мужа, второе – они переехали к нему, то есть – на новую квартиру. А это значило, что Никиту должны были перевести в другую школу. Поэтому не стоило так переживать из-за того, что кто-то не так на него посмотрел.

Наверное, именно этот случай, или, как сегодня модно говорить – стресс – сыграл свою положительную роль: мальчик перестал по ночам «плавать». А, если уж припекало, просыпался и шел в туалет. Семья Никиты, хоть и переехала к новому папе, а точнее, к его маме, то есть, к новой бабушке Никиты, по-прежнему жила в частном доме. Если еще точнее – во времянке. А это означало, что такие удобства, как санузел, располагались во дворе и назывались попроще – сортир типа клозет.

Одним словом, душ и умывальник заменяли бочка с водой и классический рукомойник, висевший на дереве, а собственно туалет – деревянное строение, похожее на большой «скворечник». Только дырка там находилась внизу. И вместо унитаза на небольшом помосте посредине «скворечника» красовалось такое круглое отверстие, куда еще надо было научиться попадать.

Если летом бочка с водой нагревалась под солнцем и, открывая кран, можно было мыться теплой и даже горячей водой, то зимой душа, естественно, не было. Ну, и походы в туалет напоминали экспедицию Амундсена на Северный полюс. Особенно, когда снега наметало по пояс. Поэтому зимой посещение туалета по ночам упрощалось до минимума: у порога стояло ведро, и если кому надо было, как говорится, справить малую нужду – то он мог не ходить далеко. Главное – утром спросонья надо было не споткнуться об это ведро и вынести его за порог. Ну и, если уже кого-то мучило расстройство желудка, и наступала не только малая, но и большая нужда, то спать семье из трех человек приходилось, вдыхая совсем не освежающие ароматы. Впрочем, это бывало не часто.

Но все когда-то заканчивается. Закончилось и временное проживание во времянке.

Не успел Никита прозаниматься в новой школе даже первую четверть, как его родители – мама и новый папа – получили квартиру. И пришлось переводиться совсем в другую школу.

Глава восьмая, в которой автор издевается над словосочетанием «заводить друзей»

Новый папа Никиты, а точнее, новый муж его мамы был младше ее на год и ниже ее ростом. И как-то не было в нем заметно особой любви к детям. А может, в нем не было особой любви к пасынку, ведь чужое – не свое. Всех детей новый папа не любил или только одного конкретного ребенка – было неясно, но по шее Никита стал получать чаще, чем обычно. Вернее, не по шее, а... как бы это сказать – за шею. Новый папа, если пасынок позволял себе слишком вольное поведение, больно хватал его сзади за шею и сжимал.

Его мама кротким нравом тоже не отличалась и, появляясь в перерывах между театром, а потом институтом, работой и личной жизнью, воспитывала своего сына довольно активно. А именно – заставляла переписывать целые страницы написанного коряво текста, учить наизусть стихи. И даже шматовала его тетради с домашними заданиями, в которых мальчик ставил кляксы. То есть, рвала на части, или, как говорят украинцы, на «шматки». В те времена писали еще чернильными ручками, и качество их было далеким от совершенства. А еще мама ставила Никиту пару раз в угол... на колени. И не просто на колени, а коленями на гречку или горох. Это когда сын небрежно, по ее мнению, решал математические уравнения.

Ну и, конечно же, мама всегда «стояла над душой» во время домашних диктантов. А когда выходила из себя, то хватала под руку, что попадется, и лупила Никиту по рукам или ногам. Чаще всего попадался соединительный шнур от магнитофона «Маяк-202». И на руках и ногах мальчишки оставались полосы от этого шнура. Именно поэтому он иногда приносил домой «двойки» по физкультуре. Потому что стеснялся переодеваться в шорты и майку – тогда весь класс увидел бы его позор. А за «двойку» он «получал» снова по полной программе. И еще за другие дела. Но хотя эти экзекуции были нечастыми, хорошего все равно в них было мало.

Такие методы «воспитания» плодов не приносили, скорее, наоборот – Никита писал все неряшливее, а математику просто возненавидел. Разве что русский устный как-то освоил. И, скорее, потому что у него была врожденная грамотность и чутье на слова. Он не знал правил, но писал без ошибок, интуитивно зная, точнее, угадывая, как правильно написать то или иное предложение. Может быть потому, что много читал?

Наконец его мама, устроив свою личную жизнь, к педагогике охладела и в дальнейшем долгое время его воспитанием полностью занималась его бабушка, то есть, мамина мама. Правда, и та часто тоже хваталась за лозину или ремень дедушки. Но Никита уже мог крепко сжать ее руки, не давая ударить, что бабушку только злило. Только поделать она уже ничего не могла, поэтому махнула на поведение внука и его учебу рукой. Тем более что проверить его домашние задания по причине неграмотности просто не могла. Удивительно, но как только домашний прессинг исчез, Никита сразу стал учиться лучше и даже стал «хорошистом».

Друзей у него не было – частые переезды с места на место не давали возможности их заводить.

Второе лирическое отступление на тему того, как приобретать и заводить друзей, а не домашних животных или автомобили

Вот абсолютно дурацкое слово – «заводить», как будто заводят машину или щенка, вот так в русском языке и слово «заводить друзей» звучит нелепо и даже кощунственно. Заводить можно хомячков, собаку, кошку, ну, попугая. В конце концов, «заводить» можно приятеля – «заводить», «подначивать», «провоцировать» – вот в таком смысле. Или, завести свои «Жигули» – прогреть мотор, проехаться с ветерком. А если кто скажет – я вот завел себе друга?

Глупо ведь, правда? И никто так не скажет – завел друга, приобрел друга. Но во множественном числе и в неопределенной форме глагола говорят именно так – искусство заводить (или приобретать) друзей. Приобретать – это пойти в магазин и приобрести себе что-то. А если приобретаем друзей, то почему удивляемся, что они нас потом продают?

А как еще сказать? Находить друзей? Где – на помойке? Или встречать друзей? То есть, только встретил – и уже сразу друг?

В общем, русский язык порой такой идиотский, право слово...

Хотя, наверное, в каждом языке хватает своих идиотских слов и выражений.

Глава девятая, в которой у Никиты кроме первого страха появляется второй

Итак, Никита не имел друзей. И не сильно стремился их иметь, предпочитая еще в детстве часами самостоятельно копаться в песке, строя замки и дороги для своих машинок. Правда, их у него не было, но он с успехом заменял машинки пустыми спичечными коробками. Впрочем, несмотря на то что мама могла купить ему различные игрушки, он никогда не играл в солдатики. Однако разрисовал деревянные прищепки, «одев» их в различные униформы, преимущественно «красных» и «белых».

«Красные» и «белые», если кто не знает – это бойцы Красной Армии и Белой Армии. Белые или беляки – это была армия бывшей царской России. Она пыталась победить устроивших революцию рабочих, крестьян, матросов и солдат – то есть, тех же рабочих и крестьян, которых царь призвал на военную службу. Таким образом, рабочие сражались с рабочими, а крестьяне – с крестьянами, только одеты они были в разную форму. Это называлось – гражданская война. Хотя, конечно, до сих пор непонятно – и что хотели поменять? Рабочие в своем большинстве так и остались рабочими, а крестьяне – крестьянами. Кроме тех, конечно, кто стал военным. Или политиком. Или тех, кто стал руководить другими рабочими и крестьянами. Но эти вопросы Никиту еще не волновали, он тогда не разбирался в политике и не знал, что такое идеология.

Однажды Никита увидел фильм про «Неуловимых мстителей»: лихих красноармейцев – бойцов Первой Конной армии Семена Буденного. И, соответственно, лихие красноармейцы скакали на лихих лошадях. Бойцы были в буденовской форме – островерхих шлемах-буденовках, а на груди их гимнастёрки – красные полосы-«разговоры». И фильм, и форма мальчика очень впечатлили. С тех пор весь мир у него стал делиться на «красных» и «белых», плохих и хороших. К сожалению, плохих вокруг было больше. Наверное, поэтому Никита предпочитал одиночество.

Когда он пошел в школу, новый этап в его жизни ничего в этой самой жизни не изменил. Просто одни игрушки сменили другие, и вместо машинок и разрисованных прищепок он стал играть палочками для счета и карандашами. А потом научился читать, и с тех пор книги стали лучшими его друзьями. С каждым годом, начиная с первого класса, Никита все больше времени проводил в библиотеках. Прочитав все более-менее интересные книги в школьной библиотеке, он записался в библиотеку районную, которой ему хватило на полгода – книги он читал запоем: несмотря на то, что учился всего во втором классе, мальчик уже читал и Жюль Верна, и Майн Рида, и даже Джека Лондона, не говоря уже о Луи Буссенаре.

До третьего класса Васнецов проучился в одной школе, потом полчетверти – в другой, а вот в четвертом классе его родители получили, наконец, квартиру, как тогда говорили, кооператив. Вернее, купили, внося какую-то сумму сразу, а потом выплачивая за эту квартиру каждый месяц какие-то деньги. Сколько мама с папой платили, Никита не знал, но, судя по их холодильнику и тому, что в нем было, семья не голодала и с хлеба на воду не перебивалась. В двухкомнатной квартире у них было все, как у людей – обои польские, мебель чехословацкая, цветной телевизор «Электрон-207» – отечественный. Правда, стоил он в те времена очень дорого, да и надо было за ним становиться в очередь и какое-то время жить без телевизора.

Но, как вы помните, в нем было всего два телеканала – Местный и Центральный. То есть, Всесоюзный. Хотя, нет, был еще один – киевский, а местный телеканал выходил на этом самом киевском, перекрывая некоторые программы телеканала УТ – украинского телевидения. Так что было всего два телеканала и порой смотреть было совершенно нечего – какие-то концерты классической музыки, народные танцы, лекции о международном положении. Или скучные

заседания каких-то серьезных мужиков, обсуждавших проблемы сельского хозяйства. Разве только вечером было какое-то обязательное кино и, что очень важно – без пятнадцати девять шла передача «Спокойной ночи, малыши!» с обязательным мультиком в конце. В общем, без телевизора можно было жить. Но вот, увы, без учёбы жить было нельзя.

И мальчика перевели в новую школу, которая была прямо рядом с его новым домом. В самом доме его ровесников почти не было. Впрочем, Никита особо ни с кем не стремился во дворе подружиться. А вот в школе дружить ни с кем у него не получилось – новенького сразу же поставили в положение «белой вороны». Если честно, то он таковой и являлся – целые выходные вместо того, чтобы гонять с мальчишками в футбол, просиживал в библиотеке. На уроках под партой у него всегда была книга, и мальчик прямо во время урока зачитывался романами о приключениях, дальних странах и героических подвигах. Но стоило учителям поднять Васнецова, который, как им казалось, витает где-то далеко в облаках, и спросить по теме урока – Никита мгновенно отвечал. После чего садился на место и моментально снова перемещался в леса Амазонки или просторы Тихого океана.

Надо ли добавлять, что географию он знал на твердую пятерку?

Точно так же непонятно вел себя новенький и в так называемой общественной жизни класса – на субботниках и воскресниках держался особняком, в сборе макулатуры участвовал. Макулатура – это, если кто не знает, старые газеты, журналы и даже книги, которые, как вторсырье, собирали на переработку. Кстати, всю эту макулатуру можно было сдавать и за деньги, но государству было выгоднее, чтобы юные пионеры работали на него бесплатно. Вот так дети и постепенно вовлекались в так называемый общественно-полезный труд. Хотя самим детям это нравилось – собирать макулатуру и потом ее сдавать было весело.

Никита постоянно подряжался на погрузку макулатуры, где часами не столько её грузил, сколько выискивал в тоннах бумаги интересные книги и журналы, которыми набивал и без того разбухший от книг портфель. А на уроках снова вместо того, чтобы слушать учителей, с головой погружался в чтение «новинок» вторсырья. Чем неизменно приводил то в бешенство, то в изумление очередного педагога, который вдруг решал проверить – а чем это там ученик Васнецов занимается?

В общем вместо того, чтобы, например, плевать из трубочки жеванной бумагой или писать девчонкам всякие записки, Никита занимался, по мнению класса, чёрте-чем. Надо сказать, школа была далеко не элитная, расположена в рабочем квартале, где два мощных завода построили дома для своих работников. Так что подрастающее (симбиоз слов «подростающее» и «подло») поколение рабочего класса «богемой» или «интеллигенцией» назвать было трудно.

Одним словом, отношения с классом у Никиты сразу же не сложились – мальчишки его задирали, девчонки не воспринимали всерьез. Но больше всего новичка донимал классный хулиган Вовка Тришкин – маленький, невзрачный, однако наглый и задиристый. В принципе, Никита мог бы попробовать с ним справиться, но струсил и не стал связываться. Тем более что рос он по сравнению с одноклассниками довольно слабым, несмотря на занятия плаванием. А главное – Никита Васнецов был маленького роста и на физкультуре в строю стоял предпоследним. Это снижало его самооценку и не позволяло вести себя хотя бы уверенно, что сразу чувствовалось. И первым это почувствовал тот самый Тришкин, который, хотя и сам был далеко не Гулливером, Никиту постоянно шпынял. А поскольку фамилия Тришкин была куда менее звучной, нежели Васнецов, то и старался Вовка задеть новенького чаще, нежели это допускается в таких случаях. А раз новенький не давал отпор, то незаметно стал не просто «белой вороной», но форменным изгоем, парией.

Однако вскоре новичка стали жалеть, ибо, в сущности, Никита был беззащитным, и унижать такого даже хулиганам было как-то не с руки. Поэтому от него впоследствии отстали, хотя и зло подшучивали время от времени – прятали его портфель в женском туалете, на физкуль-

туре несколько раз смачивали его брюки водой и закручивали штанины морскими узлами, так, что половину следующего урока Никита их развязывал. Ну и так далее.

Но именно в новой школе Никита впервые ощутил, что такое страх – страх быть униженным. Даже не избитым, нет – именно унижения Никита стал бояться больше всего. Ведь, по сути, и драк-то у него не было – драться он не умел. И не били его – как-то Никита избегал таких моментов. А вот унижения были. Причем, по меркам взрослого человека, это даже и не унижения были вовсе, так – дурацкие шутки. Но на самолюбие подростка эти «шуточки», порой довольно злые, влияли просто в космических масштабах. И личная трагедия тоже была космического масштаба. Несмотря на то, что Никита умудрялся прятать ее глубоко-глубоко, даже от собственных родителей.

И даже от себя самого.

Ну вот, например, кем может чувствовать себя подросток, если на физкультуре его, полураздетого, внезапно хватает ватага одноклассников и заносит в девчачью раздевалку? Вам смешно, а мальчишке было не до смеха. Тем более, тогда он еще не научился ко всему в жизни относиться иронически, по-философски. И оказавшись внезапно в девчоночьей раздевалке, пацан жутко паниковал, стараясь не смотреть в сторону девчачьих трусиков и голых ног.

Надо отдать должное девочкам – они спокойно, как будто Никиты и не было в раздевалке, одевались – не переодевались, а просто одевали школьную форму, и обсуждали свои дела, не обращая внимания на то, что кто-то у них появился в раздевалке. И через десять минут Никита смог абсолютно спокойно выйти из раздевалки, что он с большим облегчением и сделал. Тем более что в то время он еще не созрел для каких-либо отношений с противоположным полом. И был готов, скорее, таскать девчонок за косички и бить их портфелем по спине. Хотя его более взрослые одноклассники уже ходили на свидания, а на переменах в школьном туалете курили и рассказывали не совсем приличные анекдоты про девочек. Ну, и, конечно же, истории про своих одноклассниц.

Которые кому-то что-то давали и у кого-то что-то брали.

Никита так и не понял, что именно.

Как вы помните, Никита рос книжным мальчиком, читал правильные книги, где мужчины относились к женщинам уважительно и обращались к ним с почтением. Одним словом, в книгах, которые читал Никита, отношения между мужчинами и женщинами были исключительно романтическими и даже где-то платоническими – никто из героев его книг не заходил в отношениях с противоположным полом дальше поцелуев. А откуда появлялись у них дети, авторы не уточняли.

Третье лирическое отступление на тему того, как нам жилось тогда и как живется нам сейчас

Наш герой родился и вырос в Советском Союзе. В котором не было секса. И хотя все сегодня ругают СССР, презрительно называя его «совок», почему-то многие эти ругатели и хулители забывают о том, что этот самый «совок» дал им образование – бесплатное, вырастил их в бесплатных детских садиках и бесплатных оздоровительных пионерских лагерях на берегах Черного и Азовского морей. Что именно «совок» следил за их драгоценным здоровьем, а в случае болезни на дом приходил – бесплатно – доктор. И еще бесплатно всех лечили в поликлиниках и больницах. И бесплатно – не значит дешево, а значит – сердито. То есть, качественно. Возможно, лекарства стоили не так уж и дорого, но они всегда были. Может, не такие всеисцеляющие, как сегодня, но они реально лечили, а не сотрудничали с микробами. А для того, чтобы вылечить банальную простуду, хватало горчичников и чая с малиной. Поэтому поговорка «лечиться даром – даром лечиться» истинна только сегодня в современном недоразвитом капитализме. Тем более, что в развитом социализме врачи не покупали себе дипломы,

а учились на совесть. И на совесть лечили. Потому что совесть у них была. И у большинства граждан СССР – тоже.

Удивительно только, куда она у них потом подевалась?

Про преимущества «того» времени и так называемого советского образа жизни можно много писать и говорить. До сих пор культовые советские фильмы не сходят с экранов наших телевизоров, мы смотрим их и пересматриваем не один десяток раз. А вот западные блокбастеры типа «Терминатора» или «Чужой» после третьего просмотра больше и видеть не хочется – скучно и неинтересно. Да и вообще, кроме масштабных съемок и «крутых» спецэффектов там ничего нет. Есть просто красивая обертка, на которую многие граждане нашей не зависимой ни от кого страны кидаются, как папуасы Новой Гвинеи. И даже раскусив то дерьмо, которое нам втюхали в этой яркой упаковке, по привычке продолжаем смотреть наши зомбоящички. И в очередной раз наблюдаем, как вечно молодой и здоровый герой Арнольда Шварценеггера крушит, плющит и давит все вокруг, поливая своих врагов из пулеметов, гранатометов и автоматов градом пуль, навскидку попадая и убивая наповал, при этом оставаясь целым и невредимым.

Сказка?

Сказка.

Да вот только морали у этих сказок нет.

А в сказках советского времени была не только мораль – в советских фильмах была душа, человеческая душа. Современные и зарубежные, и, тем более, отечественные кинокартины напоминают такие же современные сладости в красивой яркой упаковке, где больше всяких искусственных химических наполнителей и добавок, нежели натуральных продуктов. Имитаторы вкуса вишни, лимона, сахара, усилители вкуса, всякие там глутаминаты натрия... Ничего подлинного – сплошная имитация.

Так и в современном кино: имитатор чувства любви, имитатор патриотизма, имитатор жизни. Любовь на экране заменил секс, вместо патриотизма – размахивание флагом. И в любом фильме в первые 10 минут, а то и раньше все понятно – главный герой, конечно же, вначале получит по полной программе всяких мерзостей, хлебнет горя, зато потом всех победит. Причем, зачастую, проливая кровь ведрами. В мелодрамах то же самое, только кровь заменяют слезами. Из того же ведра.

Помойного.

Глава десятая, в которой читатель узнает о том, куда вели все дороги в Советском Союзе

Никита родился и вырос в Днепропетровске, как сегодня пишут, родине генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. После смерти которого закончилась эпоха «застоя». Но, если честно, то после его смерти просто стал разваливаться Советский Союз. Так вот, хотя в молодости Брежнев жил и работал в соседнем городке – Днепродзержинске, но и Днепропетровск не забывал. Поэтому в городе на Днепре с продуктами питания положение было более-менее сносное. Не так, как в Москве, но все же лучше, чем во многих городах Украинской ССР.

Продовольственная проблема была, пожалуй, самой острой в Советском Союзе. Даже с продукцией советской легкой, можно даже сказать, очень легкой промышленности было не так уж плохо – босиком не ходили, и без штанов – тоже. Ткацкие фабрики работали, одежды выпускали много – от белья до пальто и шапок, все было весьма добротным и прочным. Ну, а что цвета были в основном унылыми – серыми, черными или коричневыми, так уже простите, не клоуны. И если фасоны не радовали своей новизной и элегантностью, то не на выставку же? На работу еще десять лет назад в ватниках-телогрейках ходили, ватных штанах и кирзовых сапогах. Так что – не баре!

В общем, советская одежда напоминала советские танки – прочные, тяжелые, даже страшные, мол, бойтесь, враги. А в своих костюмах и пальто советские люди как будто каждый день шли на новую битву с врагами. Было такое впечатление, что просто после окончания Великой Отечественной войны все заводы и фабрики, которые выпускали снаряды, пушки, танки и самолеты для фронта, не смогли перестроиться. И продолжали гнать план «все для фронта, все для победы!» Впрочем, одежда была дешевой, прочной и теплой. Что еще надо в стране, где зимой бывает иногда минус тридцать и меньше?

А вот с продуктами было похуже. Нет, обязательный продуктовый набор вроде бы и был. От голода никто не умирал, и дистрофия не наблюдалась. Хлеб, масло, сахар-соль, крупы, два-три, а тои четыре вида колбасы вареной, сосиски, овощи-фрукты, хоть и в ограниченном ассортименте – но все это было. Мясо стало появляться все реже – это да, здесь базар выручал, где раз в неделю можно было на шашлык или бифштекс полкилограмма свинины или говядины приобрести. Но и нормально – на Первое мая у всех шашлыки были замаринованы и все, как одни, доставали дефицитное сухое вино – кто грузинское, а кто и болгарское. А на Новый год у всех на столах была «сухая» колбаса – копченая или полу-копченая. Так что особо по мясу или колбасе слезы не лили.

Хотя, конечно, и разносолы позволяли себе лишь три-четыре раза в году.

На 1 Мая, 7 ноября, 23 февраля и 8 марта, и, конечно же, на 31 декабря.

Праздников было в СССР не так уж и много.

Некогда было праздновать!

Надо было строить социализм!

Впрочем, нет смысла сегодня рассказывать о преимуществах «советского образа жизни». Многие нынешние мальчики и девочки просто не поймут, в чем и где преимущества. Потому что сегодняшнее продуктовое изобилие, вся эта телевизионно-киношная жвачка, все эти новые и яркие технологии, начиная с интернета и заканчивая мобильными телефонами, заслонили от сегодняшнего подрастающего поколения суть их жизни. Подменили понятия «жизнь» на «существование». А когда главным мерилем успеха и главной целью становятся деньги, то кому сейчас расскажешь о том, что советские люди гордились своей страной, ее успехами, ее победами?

Хотя, конечно, недостатков тоже хватало. И все же о достоинствах советской эпохи мы будем вспоминать не раз. А сейчас вспомним именно про недостатки. Или, про, как тогда говорили, «недоработки».

Во времена СССР было распространено такое явление, как очереди. Причем, очереди были за всем – за картошкой, за мясом, даже за туалетной бумагой. Она тогда была всего одного сорта, но вот достать ее было просто нереально. В качестве пипифакса многие использовали газеты, которые были отвратительного качества. Поэтому «самая читающая в мире страна» не считала зазорным использовать для туалета... книги. Начиная с бесценных творений классиков марксизма-ленинизма и заканчивая классиками русской литературы. Точнее, наоборот. Потому что при Сталине за подобное «усвоение» трудов вождей вполне можно было схлопотать лет 10 «без права переписки» – то есть, расстрел.

Туалетная бумага была в дефиците всегда, поэтому, где бы не встретилась очередь за ней, в неё немедленно «вставали». И «брали» сколько «дадут». Одному человеку, так сказать, «в одни руки», точнее, на одну... В общем, давали ограниченное количество товара. Некоторые ходили в такие очереди целыми семьями. Потом десятка два рулонов нанизывали на прилавленную веревку и вешали на шею. И так могли проехать всю Москву из конца в конец. И никто не удивлялся, могли только дежурно поинтересоваться: «Где брали?» Да-да, чаще всего именно в столице нашей Родины можно было купить туалетную бумагу и другие редко появляющиеся в продаже товары народного потребления. Наверное, поэтому жители многих городов Советского Союза регулярно навещали Москву за тем или иным дефицитом. Потому что столица СССР снабжалась по первому разряду. Там было все!

Чаще всего из Москвы везли обои, одежду, а еще некоторые продукты: колбасу, конфеты, кофе растворимый, апельсины, сгущенное молоко. В принципе, эти продукты водились практически в каждом городе, но до прилавков магазинов не доходили, оседая на складах, базах, в подсобках. Откуда потом их по спекулятивным, то есть, завышенным ценам продавали «налево». Сегодня эта спекуляция называется «бизнес», а тогда за это можно было получить лет 5 лишения свободы – минимум. Если же какие-то товары все-таки поступали в торговую сеть, то есть, как тогда говорили, их «выбрасывали», в магазине моментально образовывалась очередь.

Стоять в очередях приходилось долго, товар выбирать продавцы не разрешали, да и выбора то особого не было. Например, картошка была только одного сорта, причем, половина гнилая, мясо старое и чаще всего – только субпродукты: вымя, почки, хвосты... Фрукты – только сезонные: яблоки, абрикосы, вишни, виноград, арбузы и дыни летом, зимой – почему-то только яблоки. Апельсины можно было купить только в Москве, мандарины – только под Новый год. Про клубнику зимой – это было только в сказках и зарубежных фильмах. Которых советские люди все равно не видели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.